

VI.

КЪ ОВИДІЮ.

Овидій, я живу близъ пихихъ береговъ,
Которымъ изгнанныхъ опеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепель свой оставилъ.
Твой безоправданный плачь мѣша сіи прославилъ:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще швоей молвой наполнишь сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображеніи
Пустыню мрачную, поэша заоченье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И крапкой шеплошой согрѣшныя луга.
Какъ часшо, увлечень унылыхъ спрунь игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за шобою:
Я видѣлъ швой корабль игралищемъ валовъ,
И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ,

Гдѣ ждешь пѣвца любви жестокая награда.
 Тамъ нивы безъ пѣней, холмы безъ винограда;
 Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
 Тамъ холодной Скиѣи свирѣпые сыны,
 За Ишпромъ ушаясь, добычи ожидають,
 И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
 Преграды нѣшь для нихъ: въ волнахъ они плывутъ
 И по льду звучному безшрепешно идутъ.
 Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превращенной!),
 Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни рашной,
 Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
 И въ нѣгѣ проводишь безпечные часы,
 Ты будешь принужденъ взложись и шлемъ шпжелой,
 И грозный мечъ хранишь близъ лиры оробѣлой.
 Ни дочерь, ни жена, ни вѣрный сонъ друзей,
 Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
 Изгнаннаго пѣвца не усладятъ печали.
 Напрасно граціи спихи швои вѣнчали,
 Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:
 Ни слава, ни лѣша, ни жалобы, ни грусть,

Ни пѣсни робкія Октавія не пронуть;
Дни спароспи швоей въ забвеніи попонуть.
Златой Италіи роскошный гражданинъ,
Въ опчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
Ты въ пляжкой гореспи далекой дружбѣ пишешь:
« О, возвратише мнѣ священный градъ опцовъ
И пѣни мирныя наслѣдшвенныхъ садовъ!
О други, Августу мольбы мои несите!
Карающую длань слезами опклонише!
Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
И въкъ мнѣ не видашь шебя, великій Римъ;
Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасной,
Приблизьше хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!»
Чье сердце хладное, презрѣвшее харишь,
Твое уныніе и слезы укоришь?
Кшо въ грубой гордоспи прочтешъ безъ умиленья
Сіи элегіи, послѣднія шворенья,
Гдѣ ты свой щещный спонъ попомсшву передалъ?

Суровый Славнинъ, я слезъ не проливалъ,
 Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
 И свѣтомъ и собой и жизнью недовольный,
 Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣпилъ
 Спрану, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
 Здѣсь, ожививъ шобой мечты воображенья,
 Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
 И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
 Но взоръ обманушимъ мечпаньямъ измѣнялъ.
 Изгнаніе твое плѣняло втайнѣ очи,
 Привыкшія къ снѣгамъ утрюмой полуночи.
 Здѣсь долго свѣшился небесная лазурь;
 Здѣсь крашко царшвуешь жестокоспъ зимнихъ бурь.
 На Скиѣскихъ берегахъ переселенецъ новый,
 Сынь юга, виноградъ блискаетъ пурпуровый.
 Ужъ пасмурный декабрь на Рускіе луга
 Слоями разстлалъ пушистые снѣга;
 Зима дышала шамъ: а съ вешней шешлошою
 Здѣсь солнце ясное кашилось надо мною;
 Младую зеленью песпрѣлъ увядшій лугъ;

***

Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ ;
Чушь вѣялъ вѣперокъ , подѣ вечеръ холодѣя ;
Едва прозрачный ледъ , надъ озеромъ пускнѣя ,
Криспалломъ покрывалъ недвижныя струи .
Я вспомнилъ опыты несмѣлые швои ,
Сей день , замѣченный крылашымъ вдохновеньемъ ,
Когда пы въ первый разъ вѣврялъ съ недоумѣньемъ
Шаги свои волнамъ , окованнымъ зимой :
И по льду новому , казалось , предо мной
Скользила пѣнь швои , и жалобные звуки
Неслися издали , какъ шомный спонъ разлуки .
Упѣшься : не увялъ Овидіевъ вѣнецъ !
Увы , среди шолпы заперянный пѣвецъ ,
Безвѣспенъ буду я для новыхъ поколѣній :
И , жертва шемная , умрешь мой слабый геній
Съ печальной жизнию , съ минушною молвой !...
Но если , обо мнѣ пошомокъ поздній мой
Узнавъ , придетъ искашь въ странѣ сей опдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной :
Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь ,

Къ нему слепишь моя признашельная шѣнь,
И будешь мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранился же завѣрное преданье:
Какъ ты, враждующей покоршвуя судьбѣ,
Не славой, участью я равень былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пущыни оглашая,
Скипался я въ шѣ дни, какъ на брега Дуная
Великодушный Грекъ свободу вызывалъ:
И ни единый другъ мнѣ въ мѣрѣ не внималъ;
Но чуждые холмы, поля, и рощи сонны,
И музы мирныя мнѣ были благосклонны.